

De servitus nova (О проблеме законодательного регулирования субъектности искусственного интеллекта)

Аннотация. Создание и успешная эксплуатация программ для электронно-вычислительных машин, способных к совершению действий, не связанных с непосредственными командами оператора и изначально не заложенных в программируемый код (программ класса «искусственный интеллект») вызвали целый ряд проблем в теории правового регулирования, в том числе и проблему определения, приобретает ли программа класса «искусственный интеллект», совершающая самостоятельные действия, имеющие юридическое значение, такие свойства, как правоспособность и правосубъектность. Решение данной проблемы возможно через использование опыта римского права.
Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, субъект права, римское право, искусственный интеллект, законодательство

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.037-043

Dmitry V. GRIBANOV,

Head of the Department of Theory of State and Law
named after S. S. Alekseev, professor
of the Ural State Legal
University named after V. F. Yakovlev,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
dvgribanov@yandex.ru

21, ul. Komsomolskaya, Ekaterinburg, Russia, 620066

Evgeniy A. BELKANOV,

Associate Professor, Department of Theory of State and Law
named after S. S. Alekseev
of the Ural State Legal
University named after V. F. Yakovleva
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
belkanovea@mail.ru

21, ul. Komsomolskaya, Ekaterinburg, Russia, 620066

De servitus nova (On the problem of legislative regulation of the subjectivity of artificial intelligence)

Abstract. The creation and successful operation of programs for electronic computers capable of performing actions not related to direct operator commands and not initially embedded in the programmable code (artificial intelligence class programs) have caused a number of problems in the theory

**Дмитрий
Владимирович
ГРИБАНОВ,**

заведующий кафедрой теории
государства и права
имени С. С. Алексеева,
профессор
Уральского государственного
юридического
университета имени
В.Ф. Яковлева,
доктор юридических наук,
доцент
dvgribanov@yandex.ru
620066, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

**Евгений
Александрович
БЕЛКАНОВ,**

доцент кафедры теории
государства и права
имени С. С. Алексеева
Уральского государственного
юридического
университета имени
В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук,
доцент
belkanovea@mail.ru
620066, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

© Грибанов Д. В.,
Белканов Е. А., 2024

of legal regulation, including including the problem of determining whether a program of the “artificial intelligence” class, performing independent actions of legal significance, acquires such properties as legal capacity and personality. The solution to this problem is possible through the use of the experience of Roman law.

Keywords: *legal personality, legal capacity, subject of law, Roman law, artificial intelligence, legislation*

Одним из последствий воплощения в праве таких идеалов французского Просвещения, как свобода, равенство и братство, стало фактическое отождествление правосубъектности и правоспособности. Всякое лицо, признанное субъектом права, правоспособно, а всякое правоспособное лицо по определению, является субъектом права. Дальнейшее развитие этой идеи в плане разграничения дееспособности и недееспособности лишь подчеркивало, что даже те люди, которые не способны понимать значение своих действий или руководить ими в силу малого возраста или душевного заболевания, все равно могут использовать субъективные права и исполнять юридические обязанности, пусть и через своих представителей.

Триада «правосубъектность — правоспособность — дееспособность» казалась незыблемой в течение почти двухсот лет. Любое законодательное ограничение правоспособности (например, для представителей буржуазии в ранних социалистических государствах) рассматривалось как нарушение не только принципов права, но и основных начал жизни цивилизованного общества.

Однако по-настоящему опасный удар по незыблемости этой триады вопреки всем ожиданиям нанесли не представители тоталитарных политических идеологий, а биржевые аналитики и программисты. Уже в 70-х гг. прошлого века они пытались создавать программы для автоматического анализа биржевых активов, а затем и для автоматического исполнения сделок, не слишком заботясь о том, создаст ли это какие-то проблемы для юристов.

В конце 1990-х гг. сформировался целый рынок «биржевых роботов», в особенности для использования на бирже валютных активов Forex; простейшие программы автоматического исполнения сделок, основанные на анализе двух-трех биржевых индикаторов, работали более или менее успешно в течение нескольких дней, а то и часов, после чего совершаемые ими сделки становились убыточными, но зато они и стоили буквально пару долларов, а то и раздавались программистами бесплатно. Эти роботы работали для мелких биржевых игроков, потери депозитов которых рассматривались как неизбежное следствие высоких финансовых рисков биржевых спекуляций.

Однако нашлись программисты, которые стали разрабатывать все более сложные алгоритмы, которые в начале XXI в. привели к созданию «самообучающихся» систем биржевой торговли, работающих по схеме ввода все большего числа параметров (как правило, различных типов биржевых индикаторов) после каждой убыточной сделки с целью не допустить повторного совершения таких сделок по одному и тому же алгоритму. Такие системы биржевой торговли привлекли инвесторов из числа крупных биржевых игроков, а затем и представителей

крупных торговых площадок, предназначенных для поиска наиболее выгодных для пользователя контрактов.

Первоначально создатели таких алгоритмов предполагали, что каждая сделка будет требовать подтверждения человеком (оператором в буквальном смысле слова, сидящим за компьютером и отдающим команду на подтверждение или отклонение сделки). Однако очень быстро выяснилось, что ситуация на биржах и торговых площадках меняется так быстро, что оператор просто не успевает отдать соответствующую команду. В итоге «самообучающиеся» алгоритмы биржевой торговли стали совершать сделки сами, что вошло в обыденную практику биржевой торговли уже в начале нашего столетия. Тогда же к этим программам стали применять термин «искусственный интеллект», возникший еще на заре развития компьютерной техники. Огромный рынок биржевых роботов, а затем и систем искусственного интеллекта, используемых для других целей, в юридическом контексте рассматривался как часть рынка интеллектуальной собственности (программ для электронно-вычислительных машин), и до определенного момента это всех устраивало.

Гром грянул в 2012 г., когда «компания Knight Capital Americas LLC столкнулась с серьезной ошибкой в работе своей автоматизированной системы маршрутизации заказов на акции, известной как SMARS. Обработывая 212 небольших розничных заказов, полученных Knight Capital Americas LLC от своих клиентов, SMARS направила на рынок миллионы заказов за 45 минут и добилась более 4 миллионов исполнений по 154 акциям на более чем 397 миллионов транзакций. К тому времени, когда Knight Capital Americas LLC прекратила отправлять приказы, Knight Capital Americas LLC уже имела чистую длинную позицию по 80 акциям на сумму примерно 3,5 миллиарда долларов и чистую короткую позицию по 74 акциям на сумму примерно 3,15 миллиарда долларов. В конечном итоге Knight Capital Americas LLC потеряла более 460 миллионов долларов из-за этих нежелательных позиций»¹.

В соответствии с положениями Закона США о бирже ценных бумаг 1934 г. (!) Комиссия по ценным бумагам и биржам США оштрафовала Knight Capital Americas LLC на 12 млн долларов.

Лишь после этого прецедента вопрос о субъектности программ класса «искусственный интеллект» перешел из разряда футурологии в область практической юриспруденции.

Первой особенностью таких программ стало совершение юридически значимых действий (как правило, сделок, большая часть которых биржевые) без наличия явного и недвусмысленного приказа оператора, а наоборот — с принятием решения по сложным, нелинейным программным кодам, часть из которых сгенерирована без участия человека (так называемое машинное самообучение)².

¹ Решение Комиссии по ценным бумагам и биржам США по делу № 3-15570 от 16.10.2013 // URL: <https://www.sec.gov/files/litigation/admin/2013/34-70694.pdf> (дата обращения: 03.06.2024).

² Необходимо отметить, что так называемое самообучение программ класса «искусственный интеллект» действительно основано на вероятностном анализе больших совокупностей данных (big data), но сам алгоритм такого анализа разработан человеком, и при

Данная особенность этих программ свидетельствует о том, что есть достаточное основание говорить об их правоспособности.

Второй особенностью данного класса программ является зависимость их работы от алгоритма, заданного оператором, что исключает признание за ними такого свойства, как правосубъектность.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в юридической практике, вводит в триаду «правосубъектность — правоспособность — дееспособность» (аксиоматичную для теории права) разрыв между правосубъектностью и правоспособностью.

Наличие актора, очевидно способного к совершению юридических актов, но не менее очевидно не являющегося субъектом права, породило массу споров о природе его субъектности, в результате которых возникло четыре группы мнений по данному вопросу.

Сторонники первой группы полагают, что программы класса «искусственный интеллект» остаются сложным программным продуктом, а наличие некоего псевдоинтеллекта не влечет за собой возможности признания за программным продуктом ни правоспособности, ни тем более правосубъектности, что, соответственно, исключает необходимость законодательного регулирования субъектности искусственного интеллекта. В частности, С. А. Симонян и А. С. Гамбарян утверждают, что «в большинстве случаев робот, обладающий искусственным интеллектом, может быть признан источником повышенной опасности, который неподвластен полному контролю со стороны человека. Из этих выводов следует, что вопрос правовой ответственности должен быть решен иными методами, чем создание нового субъекта права... мы считаем, что признание правосубъектности искусственного интеллекта не является обоснованным. Создание нового субъекта права в виде искусственного интеллекта не является необходимым шагом для развития права»³.

Вторая точка зрения состоит в том, что искусственный интеллект можно наделять отдельными правами. В частности, Л. О. Торлов предлагает поддержать «позицию французского исследователя Jean-René Binet о том, что ИИ является объектом права, однако «автономные самообучающиеся роботы» могут быть субъектами»⁴.

Третья точка зрения сводится к тому, что искусственный интеллект может обладать правосубъектностью. В частности, еще в 2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен законопроект, предполагавший дополнение Гражданского кодекса РФ статьей 127.1 следующего содержания: «Робот-агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В случаях, установленных законом, робот-агент может выступать в качестве участника гражданского процесса»⁵.

всем интеллектоподобии данного класса программ ни одна из них не может выйти за пределы заданного алгоритма.

³ Симонян С. А., Гамбарян А. С. Необходимость и проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 240.

⁴ Торлов Л. О. О правосубъектности искусственного интеллекта // Право и управление. 2023. № 6. С. 146.

⁵ Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46—62.

Наконец, отдельные авторы полагают, что три предыдущих точки зрения представляют собой своеобразные предсказания о различных этапах развития правового и законодательного регулирования субъектности искусственного интеллекта. В частности, С. П. Москаленко и Д. Е. Рогозная полагают, что можно «спрогнозировать возможные варианты изменения законодательства в ближайшее время.

Так, ближайшая перспектива прослеживается в том, что робот, обладающий искусственным интеллектом, рассматривается как объект права. В этом случае ответственность за его работу будет возложена на оператора либо лицо, которое управляет его деятельностью. Ответственность будет нести и создатель искусственного интеллекта.

В среднесрочной перспективе за роботами уже будет признаваться правосубъектность, и он (так в цитируемой статье. — Д. Г., Е. Б.) будет выступать субъектом отношений, соответственно, нести юридическую ответственность. Ответственность создателя будет являться субсидиарной. Поведение таких роботов будет характеризоваться автономией воли. Ограничен разработчик будет целью создания робота — служить на благо человечества.

Роботы будут находиться на самоуправлении. Что касается долгосрочной перспективы, то правосубъектность искусственного интеллекта будет находиться в цифровом пространстве. Здесь уже речь пойдет о киберфизической юридической ответственности. Для обеспечения всех этих циклов требуется большая работа в сфере изменения законодательства в данной области. Отметим, что расширение правосубъектности роботов с искусственным интеллектом может привести к появлению безответственного субъекта права⁶.

Аналогичные выводы несколько ранее были сделаны В. А. Лаптевым⁷.

Таким образом, современные правоведы высказывают весь логически вероятный набор вариантов решения вопроса о правовой субъектности искусственного интеллекта (так или иначе избегая обращения к проблеме возможности существования социальных акторов, обладающих правоспособностью), но не о правосубъектности.

Между тем истории правоведения известны и такие проблемы, и способы их законодательного разрешения, однако указания на них, если и существуют, то лишь в вероятностном варианте и с обращением к юридической футурологии⁸.

Разумеется, речь идет о римском праве и об особенностях статуса рабов⁹. Приведем, например, цитату о статусе рабов из труда, написанного еще в XIX в.:

⁶ Москаленко С. П., Рогозная Д. Е. Гражданская правосубъектность искусственного интеллекта // Закон и право. 2022. № 8. С. 252.

⁷ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79—102.

⁸ Шмарко И. Римское право для роботов // URL: [https://zakon.ru/blog/2020/4/15/rimskoe_pravo_dlya_robotov#:~:text=Y%20раба%20не%20было%20ни,\(не%20имеющие%20исковой%20защиты\)](https://zakon.ru/blog/2020/4/15/rimskoe_pravo_dlya_robotov#:~:text=Y%20раба%20не%20было%20ни,(не%20имеющие%20исковой%20защиты)) (дата обращения: 09.06.2024).

⁹ Заранее предполагая аргумент о невозможности использования опыта регулирования статуса рабов для построения основ определения законодательного статуса программ класса «искусственный интеллект» по этическим причинам, авторы обращают внимание на то, что, несмотря на способность к условно самостоятельным решениям в отдельных

«Все рабы находились под властью господина. Он имел полный контроль над их действиями, занятиями и трудом, ему принадлежало все, что они приобретали... они не могли располагать имуществом без его согласия»¹⁰.

Теперь попробуем модифицировать эту цитату применительно к программам класса «искусственный интеллект»: «Все программы класса “искусственный интеллект” находятся под властью оператора. Он имеет полный контроль над их действиями и производимыми ими операциями. Все приобретенное программой класса “искусственный интеллект” принадлежит оператору... программа класса “искусственный интеллект” не может распоряжаться имуществом оператора без его команды».

Следовательно, высказывание третьей четверти XIX в. при самой незначительной его модификации начинает достаточно точно *выражать современное состояние* использования искусственного интеллекта при совершении юридически значимых действий, что, в свою очередь, актуализирует исследование возможности использования положений римского права о рабах для формирования основ законодательного регулирования деятельности искусственного интеллекта.

В достаточно полном виде статус раба описан в Институциях Гая¹¹, в которых упомянуты пять его характеристик.

Из этого можно вывести пять принципов законодательного регулирования субъектности искусственного интеллекта:

1. Любое юридически значимое действие искусственного интеллекта совершается им от имени и в интересах оператора, пока иное не установлено вступившим в законную силу решением суда (например, при оспаривании сделок вследствие технической или программной ошибок).

2. Любое субъективное право или юридическая обязанность, возникшая в результате совершения искусственным интеллектом юридически значимых действий, возникает у оператора.

3. В случае, если оператор искусственного интеллекта не является его собственником, то искусственный интеллект должен совершать лишь те юридически значимые действия, которые прямо разрешены собственником искусственного интеллекта. Риски отсутствия программных ограничений на совершение юридически значимых действий, не разрешенных собственником, возлагаются на собственника, если иное не предусмотрено законом или договором.

4. Совершение искусственным интеллектом любых юридически значимых действий от имени или в интересах третьих лиц возможно лишь по прямому указанию

сферах деятельности, они не обладают ни полной человеческой интеллекта (программа ИИ для шахмат может выиграть у чемпиона мира по шахматам, но не способна к решению элементарной задачи по химии, ИИ, способный моделировать последствия химических реакций, не способен играть в шахматы), ни способностью к самостоятельным чувствам (правда, в некоторых случаях имитации носят довольно качественный характер).

¹⁰ Римское право в сравнении с законами уголовными, гражданскими и судопроизводством во Франции, Англии и Шотландии. Соч. Лорда Маккензи. М. : Типография Ф. Иогансона, 1874. С. 93—95.

¹¹ Цит. по: Институции Гая. Книга II // URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446002000#96> (дата обращения: 09.06.2024).

оператора, если иное не предусмотрено законом или договором. Ответственность за такие действия несет оператор.

5. Приобретение искусственным интеллектом имущества (имущественных прав) допускается только в пользу оператора или лица, непосредственно указанного оператором.

Таким образом, римское право практически создает готовую форму законодательного регулирования субъектности искусственного интеллекта.

Однако для того, чтобы воспользоваться данной формой законодателью придется преодолеть наследие просвещенческого либерализма, вновь актуализировать различие между правоспособностью и правосубъектностью и в итоге урегулировать на законодательном уровне сложившуюся уже сегодня ситуацию, в которой появились участники правоотношений, использующие субъективные права и исполняющие юридические обязанности, но не являющиеся субъектами правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. — 2017. — № 6. — С. 46—62.
2. *Лалтеев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79—102.
3. *Москаленко С. П., Rogoznaya Д. Е.* Гражданская правосубъектность искусственного интеллекта // Закон и право. — 2022. — № 8.
4. Римское право в сравнении с законами уголовными, гражданскими и судопроизводством во Франции, Англии и Шотландии. Соч. Лорда Маккензи. — М. : Типография Ф. Иогансона, 1874. — С. 93—95.
5. *Симолян С. А., Гамбарян А. С.* Необходимость и проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Юридическая техника. — 2021. — № 15.
6. *Торлов Л. О.* О правосубъектности искусственного интеллекта // Право и управление. — 2023. — № 6.

